

*Мёртвый город.
Красные линии*

Владимир Игнатьев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Игнатъев
Мёртвый город. Красные линии

<https://litres.ru/73834059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разрушенный мир не способен победить человека, пока человек не разрушен.

Содержание

Уроки истории	4
Сквозь страшные времена	8
Она	15
Ева	27
Тимофей	32
Хищный город	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Игнатьев

Мёртвый город. Красные линии

Уроки истории

Ну, что же, мои хорошие, слушайте.

Сейчас идёт триста двадцать пятый год от великой гибели мира. Живущие ныне, являются лишь крошками былой цивилизации. Возможно, нужно даже считать себя совершенно другой цивилизацией, так как с прежней, у нас мало общего. Но мы всё же считаем себя выжившими представителями той, невероятно развитой по нашим меркам, цивилизации. Чтобы было понятно, спустя более трехсот лет, нам до сих пор не доступны девяносто процентов технологий прошлых времен. Не доступны потому, что мы элементарно не можем их постичь. В целом у нас есть доступ ко многим материалам, находящимся в запретных городах, и всё, что там находится, прекрасно сохранилось. Мало того практически все вещи, предметы, приборы, машины и так далее, хранящиеся в них, способны выполнять заложенные в них функции.

Конечно, сейчас никакого запрета на посещение этих умерших городов нет, и уже давно, тут ещё надо найти дура-

ка, который туда пойдёт, они впрочем, всегда находились и до сих пор находятся, но название за столетия прижилось и ни у кого и мысли не было что-то менять.

О великой гибели мира никто достоверно, из ныне живущих, не знает. Все знания, которыми мы обладаем, можно считать, не более чем легендами. Информация, которая первыми поколениями выживших, передавалась из уст в уста, постоянно менялась, обрастая домыслами, фантазиями рассказчиков, ошибками, вследствие того, что кто-то что-то забыл, кто-то что-то не так понял. В то страшное время было не до сохранения памяти.

Нам известно лишь, что мир делился на страны, в которых жили народы, разговаривающие на разных языках. Многие народы отличались не только речью, но и внешне. Собственно как и сейчас, за исключением лишь, того факта, что некоторые народы просто исчезли. Всё население планеты независимо от материков и стран, в которых оно располагалось, жило в мега городах, которые теперь называются запретными. За пределами городов практически никто не жил, по крайней мере, более-менее организованно. Ну, то есть там конечно жили люди и достаточно большими группами, но это были не самостоятельные поселения, а скорее базы необходимые для снабжения городов теми или иными ресурсами.

Всегда за огромными стенами городов находились сельскохозяйственные угодья. Люди, работающие за стеной, были жителями этих же городов. Те, кто работал не далеко от

города, каждый день возвращались обратно в город, а работающие на большом удалении, временно проживали в базах. График пребывания на базах зависел от удаления от города, но постоянным местом проживания всегда оставался город. Так же базы располагались на местах добычи ресурсов. Но люди работали и размещались не только на базах, были так же различные экспедиционные группы, которые имели множество назначений, будь то разведка или научные исследования.

Вот эти люди, ну то есть те, кто не находился в городах в момент катастрофы, и выжили. Ну, то есть, как ты понимаешь, выжили в основном, не самые великие ученые, достаточно грамотные инженеры, сотрудники медицинских служб и рабочие совершенно разных профессий, находившиеся на базах. Ни один политик, актер, певец, адвокат, спортсмен и так далее, не выжил.

Как люди великого мира уничтожили друг друга, никто не знает. И, слава богу, что не знает. Есть технологии, которые лучше не вспоминать, а ещё лучше не изобретать.

Известно, что великая гибель мира произошла в очень короткий промежуток времени. Погибли абсолютно все жители, абсолютно всех городов. Удивительно, что сами города, в плане механических повреждений, практически не пострадали. Нет, конечно, были разрушения и достаточно большие, но, по сравнению с размерами городов, явно не соизмеримые.

Но города не умерли на сто процентов, в городах всё же осталась жизнь. В основном это насекомые и различные беспозвоночные, намного реже встречаются крысы, и пока это самые крупные обитатели, обнаруженные в запретных городах. Они конечно сильно изменились, приспособиваясь к ужасным условиям. Подозреваю, что их предки, ставшие свидетелями великой гибели мира, знатно охренели от тех событий.

Сейчас территория запретных городов, по крайней мере, нашего, но мы думаем, что и остальных, сильно отравлена и заражена пока не полностью изученными веществами. Почему мы считаем, что и остальных? Да потому, что должна же быть хоть какая-то объективная причина массовой гибели людей, и учитывая масштаб, она должна быть общей для всех. Но кроме ядовитого газа, там вообще очень много опасного, природу большинства которого нам пока, не то, что изучить, элементарно постичь не удаётся. Для нас то, что там происходит, скорее, может считаться магией. Конечно, мы понимаем, что это не магия. Мы достаточно далеко зашли в техническом развитии. У нас есть школы, мы учимся, изучаем физику, химию, ... историю.

Вот ведь странное дело, какого бы уровня развития мы не достигли, мы всегда учим историю, а история никогда не учит нас. Человечество всегда ищет и всегда находит способы самоуничтожения.

Сквозь страшные времена

В первые мгновения великой гибели мира, оставшиеся в живых, испытали такой ужас, что казалось, что ничего ужасней быть не может. Забегая вперёд, могу сказать, что они ошибались. Они вдруг потеряли абсолютно всё, родных, близких, друзей, дом. Они потеряли абсолютно всё, что составляло их жизнь, они потеряли весь мир.

Этот период был назван эпохой большого ужаса. Это была самая короткая эпоха из предстоящих. Длилась она примерно неделю, у разных групп выживших, по-разному. Люди будто впали в оцепенение. Каждый замкнулся в себе, никто ни с кем не общался. Спустя неделю люди стали отходить от шока начиная планировать свои действия. Особо малочисленным группам, особенно из числа экспедиционных, планировать, в общем-то, было нечего, никакими ценными ресурсами они, практически не обладали. Лишённые, каких либо убежищ, почти все они погибли в течение двух, максимум трёх недель, большей частью от отсутствия пищи и воды.

Группы выживших, обладающих большой численностью и имеющие возможность жить в базах, в которых имелся запас не только продуктов питания, но и различные приборы, инструменты и даже машины, сразу начали планировать действия, разрабатывая способы максимально эффективно-

го использования ресурсов, а так же поиск возможностей их пополнения, особенно продуктов питания. Самыми выигрышными в этом плане были базы, занимающиеся сельским хозяйством. Но и это, как показала история, не гарантировало успех в борьбе за выживание. Об этом свидетельствует следующая эпоха. Эпоха испытаний.

Эпоха испытаний длилась около двух лет. Тут особо описывать нечего. Эти годы показали, кто был прав, а кто не прав, кому повезло, а кому нет. Некоторые группы были достаточно успешны. Успешны на столько, что в группах забеременели женщины и даже родились дети. Некоторые группы объединились и стали ещё сильнее и успешней. Те же, кому не повезло по ряду различных причин, столкнулись с поистине тяжёлыми испытаниями. В некоторых странах население вымерло в полном объёме. Те же, кто выжил, но успеха не достиг, были на грани. На столько на грани, что явились причиной появления новой эпохи. Самой страшной эпохи. Эпохи великого позора.

Эпоха великого позора была так названа далеко следующими поколениями. Названа она была так, потому что люди, жившие на много позже всех этих событий, испытывали настолько сильное чувство стыда, за то, что они являются представителями вида способного на «такое», что считали, что этот позор лежит на всём человечестве. Она началась с волны мелких преступлений внутри групп не прошедших проверку временем, не способных к пополнению ресур-

сов, вследствие безграмотного управления или элементарного невезения. Под невезением подразумевается неудачное расположение базы, например в местности с неблагоприятным климатом, или там где отсутствует или затруднён доступ к пресной воде или энергоносителям, а ещё вспышки эпидемий и много чего ещё. Ничто в этом новом мире, не пыталось помочь человеку, скорее всё, что могло, активно препятствовало его попыткам выжить.

Все началось с воровства, в основном еды конечно, но не только. Потом когда еды стало не хватать уже очевидно, более сильные начали просто отбирать еду у слабых. Когда ситуация стала ещё хуже, сильные стали организовывать банды и с этого, практически, начиналось медленное истребление слабых, но более многочисленных представителей группы. Почувствовавшие вкус власти, банды начинали творить бесчинства. Все остальные представители группы находились на положении рабов, абсолютно бесправных, и не способных за себя постоять. Для укрепления власти представители банд устраивали бессмысленные избиения, а так же всё более учащавшиеся публичные акты сексуального насилия по отношению, как к женщинам, так и к мужчинам. К женщинам конечно в большей степени.

Когда группа окончательно деградировала, начиналось самое страшное. Люди начинали, есть людей, причём не просто ели умерших соплеменников, а убивали человека, чтобы его съесть. Каждый присутствующий при этом испытывал

животный ужас не только от происходящего, но и от осознания того, что может стать следующим. Многих это, впрочем, не останавливало от принятия трапезы. Люди, если их ещё можно было так назвать, сваливались в каменный век. После пережитого все они были обезумевшие. Иногда они отправлялись на охоту в поисках других уцелевших, но между группами выживших, были огромные расстояния. Иногда всё же они добирались до цели, и даже были жертвы, среди тех, кому не повезло оказаться в тот момент вне базы, но в связи с низкой численностью всегда уничтожались. Самым частым исходом была встреча с такой же группой каннибалов. И более многочисленная группа, ожидаемо, побеждала менее многочисленную и, в последствии съедала. Постепенно все эти ублюдки вымерли, закончив бесславную эпоху, длившуюся около пяти лет.

И началась новая, самая продолжительная длящаяся и по сей день эпоха. Эпоха возрождения. Сейчас нам очень трудно представить какой путь прошёл человек от великой гибели мира до нашего времени сквозь страшные времена. Описывать три сотни лет истории, у меня не хватит жизни. Поговорим о сейчас. Мы овладели многими, не смотря на то, что это лишь, по совершенно сомнительным расчётам, десять процентов, технологиями великого мира. Мы живём в городах. Все страны как географические объекты исчезли. Теперь каждый город является отдельной страной. Города имеют абсолютную автономность. Города хорошо организован-

ны, но конечно, не так многочисленны, как когда то запретные. В связи с большой удалённостью и отсутствием транспорта, способного на преодоление больших расстояний, города практически не взаимодействуют. Самым распространённым взаимодействием является радиосвязь.

У нас есть электрические станции, обеспечивающие многоэтажные дома и промышленные предприятия электрической и тепловой энергией. Мы используем электрические приборы, включая сложные электронные, добытые в запретном городе. Сами мы пока изготавливать сложные электронные приборы не умеем, но умеем ремонтировать. У нас есть неплохая производственная база. Часть производственного оборудования, доступного для вывоза из запретного города, мы смогли разобрать там и собрать в своём.

В каждом городе технология правления определялась первыми поколениями, общим голосованием всех жителей и, как правило, поддерживается по настоящее время. В разных городах способы управления зачастую различаются, но, как правило, не значительно. Нашим городом управляет мэр, который избирается на три года, и не может участвовать в выборах в качестве кандидата в течение десяти лет после окончания срока правления. Материальное состояние мэра не должно меняться на протяжении всего срока правления, в противном случае его ожидает отставка с последующими нудными проверками.

Мы пользуемся колёсным транспортом, правда, личного

транспорта у нас нет. Транспорт используется для транспортировки, между городом, ну в смысле нашим городом и базой, расположенной неподалёку от запретного, людей и грузов, включая добытые в запретном городе артефакты. Так же мы успешно овладели процессом нефтепереработки, поэтому проблем с топливом не испытываем. Вследствие недостаточного развития машиностроения, транспорт мы пока собираем, в основном, из деталей, добытых в запретном городе. Конечно, кое-что мы и сами производим, копируя детали, в основном кузовные. Но с деталями двигателей пока заминка. Значительное торможение развития промышленности и машиностроения связано с тем, что в первые годы катастрофы, мы потеряли практически всех учёных, которые, в силу объективных обстоятельств, не имели возможность передать знания следующим поколениям. Тут, понимаешь ли, когда день за днём пытаешься выжить, как то не до обучения. Так великие знания и пропали вместе со своими носителями.

Вследствие полного осознанного отказа от разработки и использования оружия мы смогли направить больше ресурсов, как умственных, так и физических, на совершенствование медицинских технологий. Очень хороших результатов достигли учёные в области биомеханического протезирования, настолько хороших, что заменённые конечности позволяют человеку продолжать жизнь без сколь-нибудь значимых ограничений.

Часть людей живёт в бункерах. Точнее в небольших посе-

лениях, состоящих из бункеров от шести, до десяти, но чаще всё же не больше шести, которые теперь называются базами, видимо в дань памяти. Начинались они, к слову, с одного, гораздо реже двух бункеров. Здания строили в виде бункеров, так как располагались они в непосредственной близости от запретных городов и люди боялись их опасностей. Когда стало известно, что все опасности надёжно задерживаются стенами города, необходимость в защищённости, которую обеспечивали бункеры, отпала, но и переделывать, что-либо, было не целесообразно.

В базах живут учёные и инженеры, которые изучают принесённый из запретного города материал, обслуживающий персонал, включая медицинскую службу, которая стоит на хорошем счету и очень любима экспедиторами, и собственно экспедиторы, уходящие в запретный город за очередными осколками технологий великого мира.

Она

Она вошла в помещение общей кухни. Это заведение было слишком маленьким, чтобы называться столовой и его называли просто кухней. Здесь принимали пищу, приготовленную поварами, все обитатели базы. Было уже поздно, весь персонал, включая поваров, разошёлся, и свет был выключен, от чего всё помещение пребывало во мраке. Но даже после ухода, повара всегда оставляли чего-нибудь закусить, какому-нибудь внезапно проголодавшемуся коллеге.

Она увидела, как он сидел один, за самым краем стола, едва освещаемый слабым светом, струящимся из открытого дверного проёма. Так как помещение было достаточно простым, лишённым, каких либо лишних предметов и нёкуда было положить взгляд, он смотрел в никуда. Перед ним стояла одна лишь эмалированная кружка, наполненная на треть. По тому, с какими паузами он пьёт и какие маленькие делает глотки, можно было подумать, что он пьёт очень горячий чай, но это был не чай, это был коньяк, слишком тёплый, для данного вида напитка и с весьма сомнительными вкусовыми качествами. Собственно, то, что он пил и не являлось коньяком, жидкость в его кружке была продуктом, созданным местными умельцами и к коньяку имела такое же отношение, какое имеет дойная корова к собачьим бегам.

Он сидел и не о чем не думал. Это был один из редких

моментов, когда он ни о чем не думал, ведь обычно его голова туго набита размышлениями о построении маршрута и способах прохождения препятствий... там... где легкомыслие убивает. А сейчас он сидел, наслаждаясь тишиной, как окружающей, так и внутренней.

Она прошла немного вперёд и остановилась в трёх шагах от него, прислонившись плечом к стене. Он посмотрел на неё и поначалу безразличный взгляд вдруг загорелся огоньками интереса в его глазах. Она – молодая, невероятно красивая, с прекраснейшим изгибом длинных ног, стояла в одной футболке. Босая, в этой, не по размеру, огромной, серой, растянутой и явно, когда-то чужой, футболке, которая, всё же скрывала всё, что нужно было скрыть. Да, они были как будто знакомы, но никогда не общались. Ему сорок, с чем-то, ей, ну, сколько там, двадцать с чем-то, на днях, поди, исполнилось. Нет общих интересов и вообще точек соприкосновения, только простое, бытовое общение на уровне остальных обитателей базы. Да и даже простого общения «на уровне остальных обитателей базы» пожалуй, тоже не было. Она вообще была обительницей другого бункера. Хотя, впрочем, посещение чужих бункеров не только не возбранялось, но и было неизбежным, так как объекты, типа столовой, медицинского отсека и службы технического обеспечения, находились в разных бункерах.

Она просто стояла и смотрела, но её обнажённые ноги и нахально проглядывающие, из под этой дуратской футболки,

соски, создавали невероятную эпичность момента, не позволяя мыслям, вернувшимся в голову и сосредоточившимся теперь только на ней, заняться ещё чем-нибудь. Он знал, что под футболкой ничего нет. Она знала, что он знает, что под футболкой ничего нет, и что он знает, что она знает, что он знает. Все эти знания придавали неловкую неоднозначность происходящему.

Она подошла, молча выпила залпом оставшееся содержимое кружки и опять прислонилась к стене, но теперь спиной. Всё это выглядело как вызов, но нелепый и не очевидно к чему. Он слегка ошалел, мгновение поколебался, встал и подошёл. Подошёл очень близко, вплотную, но в её глазах не было ни удивления, ни испуга. Он слегка наклонился для поцелуя, и она ему ответила. Их губы коснулись очень легко, будто поцелуй отца и дочери. Он обнял её за талию, и поцелуй разгорелся огнём, совершенно потеряв прежний налёт целомудрия. Его правая рука плавно опустилась вниз и, приподняв край футболки, коснулась ладонью внешней стороны бедра. Медленно скользя, рука поднялась до талии. Он вдруг понял, что его рука никогда не касалась ничего, стол же приятного, как её кожа. Её кожа была упругой и невероятно мягкой, создавалось ощущение, что она очень тонкая. Ошеломлённый от всей этой, невероятной её нежности, он вдруг протрезвел от алкоголя и опьянел от возбуждения. Дабы избежать впечатления изголодавшегося старика дорвавшегося, словно стервятник, до молодого тела, подни-

мать руку дальше к груди он не стал. А как хотелось. Ладонь, находясь на талии, причём большей частью на спине, настойчиво, но нежно сжалась, приближая её к нему. Она глубоко вздохнула и вздох, был настолько сладким, как не один из тех сладких стонов бывших у него женщин, что стало понятно, что приглашение, за которым она и пришла, принято. Когда они выходили из помещения кухни, она захватила оставленную в коридоре крошечную, будто игрушечную сумочку.

Оказавшись в его каюте, она не замедлила избавиться от единственного своего облачения, швырнув футболку и сумочку на кровать, и не дожидаясь предложения, скользнула в душевую кабину. Глядя на бесцеремонно оголившуюся девушку, он стоял молча и не переставал удивляться, какое восхищение рождало в нем её тело. А ещё его мучал вопрос, зачем она здесь и какого хрена вообще происходит. Он хотел присоединиться к ней в душе, но размеры кабины не позволяли принимать душ вдвоём. Пришлось ждать.

Он оглядел своё небольшое жилище в поиске, нет ли чего валяющегося, что нужно убрать, дабы не вызвать осуждения гости. Хотя она вряд ли бы заметила, но вдруг. Спустя неопределённое время они поменялись местами. Теперь он был поглощён омовением, а она рассматриванием жилища самца, хотя, в общем, ничего не могло её заинтересовать, она жила в точно таком же помещении. Посмотрев на себя в зеркало, она, как бы давая высокую оценку отражению, одобрительно кивнула и бухнулась на не застеленную кро-

вать. Закончив водные процедуры, он вышел и, без лишних пауз, присоединился к ней.

Понимая, что никакого специального сигнала ждать не нужно он принялся целовать её губы, затем лицо, шею, плечи и наконец, нежно сжал рукой её упругую грудь. Как долго он этого ждал? да с момента как увидел её в этой «потрясающей» футболке. Затем, не отпуская первую грудь, он поцеловал сосок второй, потом внутреннюю часть первой. Он начал целовать её тело хаотично, спускаясь все ниже. Все её движения говорили о правильности того, что он делает. Вот он уже целует внутреннюю часть бедра у самого основания, жадно, но чувственно, иногда нежно прикусывая. Она слегка замерла от его дыхания, в момент, когда он переключался с одной ноги на другую, и он это конечно заметил. Он чётко знал причины этого замирания и чтобы излишне не затягивать момент, легко коснулся губами верхнего края заветной расселины. Короткий импульс заставил её содрогнуться, и его эхо, волной разбежалось по всему телу, вновь рождая тот сладкий, глубокий вздох. Его язык скользнул вниз, к той самой, уже так ожидавшей его, налившейся от возбуждения бусинке, таящейся под тонким слоем нежнейшей плоти.

Она стонала, дышала то часто, то затаивала дыхание, то на короткое время замирала, то начинала извиваться, её тело горело, в голове спутались немногочисленные остатки мыслей и вдруг, она заметно замерла, всё тело напряглось, буквально мгновение, и по её телу разошлась неудержимая

дрожь... Взрыв... Нет мыслей и даже сознания, все чувства соединились в одной точке и тут же разлетелись во все стороны и мгновенно собрались обратно, и эта пульсация продолжалась снова и снова. Его рот ощутил, как она ритмично пульсирует и он замер, чтобы не отвлекать её. Она более не могла произнести ни звука. Она выпрямилась вытянувшись как струна, казалось даже, что она звенит от напряжения, в этой, внезапно образовавшейся, тишине и, тут же обмякла, как будто её выключили.

Он смотрел на неё, не отрываясь, наслаждаясь абсолютно всем, что видит, с жадностью, с которой человек, бредший по пустыне без воды три дня, пытается утолить жажду, найдя родник. Выдержав небольшую паузу, он надел презерватив, «в наше время и в этих условиях...». Уверенно, но аккуратно, на мгновение, зависнув над ней, будто давая время на осмысливание, он, опираясь на локоть руки, заведённой под её шею, слегка прижал её своим телом к кровати. Другой рукой он коснулся её там, где её нервы были будто оголены. Его рука ощутила, как она истекает соками, словно надкушенный зрелый персик, но она была лучше, в тысячу раз лучше, чем любой персик, и он вошёл. Соитие было не менее страстным, чем прелюдия, но она, к сожалению, не кончила. Он старался, правда старался держаться, но она была так горяча. На её лице, правда, не было и тени досады или обиды.

Она достала сигареты из своей сумочки и закурила, хотя до этого от неё сигаретами не пахло. Возможно, это бы-

ли единичные, исключительные, случаи. Тогда это даже комплимент. Он не курил и ему это, не понравилось, хотя недовольство он высказывать не стал. Он встал и направился в душ, по пути выбросив в урну заряженный презерватив.

По возвращении он лёг, глядя в потолок, не зная, толи стоит начинать диалог, толи нет. И о чем? Она прервала его муки сомнений, крепко обхватив рукой его, уже значительно собравшуюся отдыхать, самую изменчивающуюся часть тела. Самая изменчивающаяся часть отреагировала молниеносно, сделав вид, что не на какой отдых она и не собиралась. Она без лишних слов сунула её себе в рот. Её ласки были такие же нежные, как и всё, что было с ней связано. Чтобы не перегреть партнёра она вскоре остановилась, затем загадочно, будто с лёгким оттенком безумия в глазах, улыбнулась и надела на него презерватив, «в наше время и в этих условиях...».

Без какой либо грации она взгромоздилась на Тимофея сверху и густая тягучая капля «персикового сока», медленно, паутинкой, спустилась на него. Уверенной рукой она совершила нехитрые настройки и скользнула вниз, скрывая часть партнёра в себе. Она оперлась руками о его грудь, и он увидел её красивые пальцы, с аккуратными, не осквернёнными лаком, ногтями. Этими, отращёнными на два, три миллиметра ногтями она и впиалась в его тело, когда начала совершать свой дикий танец. Её движения были плавными и чёткими, она точно знала что делает. Разница, как и схо-

жесть ситуации, была в том, что когда всё зависело от него, он думал только о ней, а сейчас, когда всё зависит от неё, она тоже, думает только о себе. Он это заметил, но посчитал, что так даже лучше. В этот раз их зрачки отреагировали почти одновременно, почти одновременно, ускорились сердцебиение и дыхание. Она как будто почувствовала, как тугая струя энергии, рождённой внутри, приятно-горячего мужского тела, ударила в непробиваемую защиту латекса, заставляя, поглощённую ею, часть его тела, произвести несколько ритмичных пульсирующих движений, и её накрыл второй взрыв. Лежали оба счастливые, оба смотрели в потолок. Не то, чтобы говорить, думать не хотелось.

Она уснула. Он смотрел на неё, не до конца веря в то, что способен испытывать эмоции, которые испытывает. Он взял её руку, нежную, с идеальной, ровной, гладкой кожей. В его, местах обожжённой, в ссадинах и шрамах, с грубой кожей, руке, её смотрелась ещё прекрасней. Нет его руки небыли ужасными, это были, можно даже сказать, красивые мужские руки, но со следами неприятных встреч и событий. От вылазок в запретный город, на всем его теле повсюду остались отметины, но руки пострадали, пожалуй, более всего.

К нему начали подтягиваться мысли. Нет не сразу все вместе, а встали в очередь и терпеливо, хотя нет, не терпеливо, ждали, и шли, шли друг за другом. Зачем это ей? Ну, тут вроде как, понятно, но не очевидно. Почему он? Ведь он не имеет сколь-нибудь спортивного телосложения, так, обыч-

ный, не красавчик, не урод конечно, но и не красавчик. В бункере много мужиков красивее его, да ещё и моложе. Действительно он же старше её в два раза. Возможно, это просто случайность, сидел бы какой-нибудь другой «не урод» на кухне, она бы ушла с ним. Это на один раз? Но ему, вдруг захотелось, чтобы не на один. Мы же ни словом не обменялись, ни единым. Будто секс глухонемых, будто игра такая была, дурацкая. Как всё странно. Какого хера тут вообще произошло. Как всё странно.

Она проснулась. Он лежал и пялился на неё. Он давно проснулся, но боялся её побеспокоить, боялся, что она сразу уйдёт. Она отбросила край одеяла, утомляемая, его излишним старанием, в выполнении своих обязанностей. Она лежала заспанная, слегка опухшая, причудливо взъерошенная, совершенно обнажённая и абсолютно этого не стеснялась. На её лице угадывалось выражение сладкой неги. От избытка заботы проявляемой одеялом кожа, лишённая возможности испарять пот была очень тёплой и влажной с лёгкой отёчностью, от чего казалась ещё нежнее. Всё её тело было покрыто нежно-розовыми, различной конфигурации, лёгкими узорами от складок постели. Как будто какие-то графические татуировки. Татуировок кстати не было, что очень радовало Тимофея. Она сначала собралась в клубок как кошка, потом потянулась, вытягивая ноги и руки, и как будто, снова зазвенела, и это выглядело так естественно и прекрасно. А он ле-

жал и паялился, и радовался, что это её совершенно не смущает.

– Привет...Эээ...Тимофей?...Если не ошибаюсь. Давно не спишь?

– Привет. Да вот, только проснулся. Аааа...Тебя же, Ева зовут?

Оба конечно лукавили и точно знали, как кого зовут, но почему-то оба решили сыграть роль людей, вроде как знающих друг о друге, но никогда друг другом не интересовавшимися. Это будто, хотя это было совершенно не так, снимало с них воображаемое, непонятно перед кем и за что, бремя осознания того, что они этого уже давно желали, ведь им обоим хотелось чтобы это выглядело совершенно спонтанным событием, особенно в глазах друг друга.

– Ага – ответила Ева – хорошо, что ты знаешь, знакомиться не придётся, а то как-то несуразно бы получилось, ну, типа привет классно потрахались, меня Ева зовут, а тебя? – Ева улыбнулась и в воздухе повисла неловкая пауза – У тебя наверно есть вопросы, но я не смогу, скорее всего, сразу на все ответить.

– Да я что-то и не знаю с чего начать. Вечером уйма вопросов была, а теперь... – Тимофей замялся – Теперь даже не знаю, что я хочу знать.

– Тебе, наверно, интересно, был ли ты случайным жребием, или осознанным выбором? Это было сделано осознанно. Ты нравишься мне, и я давно решила попробовать тебя.

Тимофей взглянул на неё слегка исподлобья, приподняв правую бровь, с немым вопросом недоумения – «попробовать?». Но вопрос не озвучил.

– Мне понравилось. Очень. И я хочу повторить – продолжила Ева.

Тимофей про себя подумал, как замечательно, что он услышал именно такие ответы на свои вопросы, которые он даже не задал. Это как бы снимало с него ответственность за заинтересованность. Ему ведь тоже понравилось, и ему тоже хотелось ещё. Возможно впервые в жизни. Нет, конечно, ему и раньше нравилось и раньше ему хотелось ещё, но это было скорее на уровне «как бы, вроде, и не против ещё» или «ну, было бы не плохо ещё...когда-нибудь...может быть»

Ева встала с кровати, причём, сделала это так непринуждённо и совершенно не стесняясь своей наготы, будто уже сто раз так делала – Может, пойдём, чего-нибудь выпьем? В этот раз предлагаю выпить кофе, а не ту херню, что ты пил вчера – Ева расхохоталась – Ну и позавтракаем.

Никакого кофе как понимаешь, конечно, у нас нет. Так мы называем напиток из обжаренных корней цикория. Кофе у нас не растёт.

Тимофей, не скрывая своего восхищения, смотрел – Так, пойдёшь? Сегодня там народу будет побольше.

Ева будто с вызовом посмотрела на Тимофея – А ты что, стесняешься? Я не стесняюсь, хрен с ним с народом, сами пусть стесняются. А вот тапочки я бы одолжила.

Совершенно по бытовому Ева убрала сигареты в сумочку, достала из неё трусики и надела их, затем напялила свою футболку и сунула ноги в предоставленные Тимофеем тапочки, которые, к слову, были на пять размеров больше и превратили её образ из сексуально-неряшливого, в неряшливо-дурацкий. Но обоим было абсолютно всё равно как они выглядят, правду сказать Тимофей выглядел нормально, и это его, хот он и не хотел признавать, слегка утешало, когда они шли в общую кухню.

Ева

Ева приехала на базу примерно год назад. Это был такой же прекрасный весенний солнечный день. Весенность и прекрасность этого дня подливали масло в пламя разгорающегося интереса местных обитателей. Её появление заметили все, безусловно, все, как мужчины, так и женщины. Чего греха таить, такие красивые девушки бывали здесь очень редко. Двадцать шесть лет, высокая, с длинными стройными ногами, крепкими широкими бёдрами, выраженной узкой талией, небольшой, но красивой, идеальной формы, грудью, тонкими прекрасными чертами лица, не то голубыми, не то зелёными глазами, и длинными прямыми каштановыми волосами. Для одних она была объектом вожделения, для других, непритворной зависти и рождаемой этой непритворной завистью, общественно не выражаемой, ненависти.

Будучи ребёнком, очень уважаемого в обществе отца – ведущего специалиста лаборатории синтеза полимеров в нефтеперерабатывающем комплексе, и не менее уважаемой матери – учителя биологии, Ева, с раннего возраста, не могла избежать бремени тщательного контроля, за проявлением её интереса к чему либо. У нашего общества принято выявлять таланты у детей с раннего детства и если эти таланты проявлялись, ребёнка, независимо от возраста, сразу начинали готовить в интересующем его направлении, значитель-

но углублённей, чем остальных. Это позволяет нам получать специалистов высочайшего уровня. Те, кто никакого таланта не проявляют, занимаются простой работой. Ева же, с детства проявляла интерес к медицине и огромные знания её матери очень ей помогли.

Она была одной из лучших, на своём курсе медицинского училища, и, ведомая подростковым романтизмом и тягой к приключениям, сразу поставила перед собой цель работать на базе. Она прошла продолжительную практику в больнице, которая, к слову, была в городе одна, точнее сказать это была и больница и поликлиника в одном комплексе зданий, так как город был, настолько небольшим, что одного идеально спроектированного комплекса было достаточно, чтобы обеспечить медицинской помощью всех его жителей. Собственно его и называли, просто, медицинский центр. В медицинском центре людям оказывались все виды услуг. Здесь и принимали роды и лечили зубы, проводили процедуры протезирования всего, что можно было протезировать, лечили кожные заболевания, проводили сложнейшие операции на мозге, в общем, всё, что могло спасти человеческое здоровье и жизнь. Ева была сведуща во многих вопросах касаясь медицинской помощи, но основным направлением являлось восстановление тканей человеческого тела. Именно это давало ей преимущество при выборе кандидатов для отправки на базу.

Парадоксальным является то, что при таком наборе зна-

ний, и обладании ясного, наподобие шахматного гроссмейстера, ума, Ева выглядела как будто глупенькой. На самом деле она была заложницей придуманного когда-то образа, который позволял ей избегать, так ранящего её, осуждения родителей в моменты, когда она ошибалась, а также неоправданных надежд окружающих, которые она, в общем-то, не обязана была оправдывать. Но теперь она никак не могла избавиться от сформировавшейся модели поведения.

В целом это даже играло ей на руку. Удивительно складный тандем прекрасного визуального образа и ошибочно сформировавшегося впечатления окружающих, о не то чтобы, глупости, а скорее о какой-то детской наивности или легкомысленной непосредственности, создавал образ чуть ли не идеальной женщины. Ну конечно, исключительно для мужчин, только и мечтающих о совокуплении с какой-нибудь, очень симпатичной, но беззаботной, легкомысленной дурочкой. Правду сказать, почти все мужчины подходят под этот, тип мужчин. Но стоит отметить, что никакого легкомысленного поведения, со стороны Евы, никто бы вспомнить и не смог. Такого она себе никогда не позволяла.

Стоит ли обратить внимание, что ухажёров, в первые же дни, у Евы образовалось бесчисленное множество. Среди них, безусловно, были не только холостые представители самцов этого места, что, в свою очередь, вызывало праведное негодование, среди женщин, связанных узами брака, ко-

торые в своём негодовании, присоединились к женщинам, не связанным узами брака. Ева впрочем, так старательно отвергала все ухаживания, что заслужила уважение среди представительниц прекрасного пола из числа обитательниц бункеров. Но, безусловно, знаки внимания от представителей сильного пола, из числа обитателей бункеров, не прекращались.

В течение года вся эта возня заметно сократилась. Ева была отличным специалистом, и теперь, её, уже больше любили за профессиональные навыки. Ну, правда, и за внешние особенности любить её не переставали.

Теперь она с Тимофеем. Не было никакой нахлынувшей, сбивающей с ног волны влюблённости. Скорее это был плавно разгорающийся интерес, процесс утolenия которого, в самом его апофеозе, стал началом внезапных отношений. Сейчас, чем дольше они вместе, тем сильнее она влюбляется в него. А он в неё.

Только теперь, рядом с ним, она смогла стать собой, стать такой, какой она была внутри, глубоко в душе, такой, какой она хотела быть. Теперь её образ, это образ царицы, образ доминирующей львицы, которая властна даже над своим царём. Взгляд уверенный и не по возрасту мудрый в своём спокойствии. Взгляд человека одержавшего победу над безрассудными страстями. Взгляд человека, который знает, что хочет, знает, как это получить, и всегда получает. Но мудростью своей, она никогда, ни малейшим намёком, не пыталась

заявить о каком-то своём доминировании.

Ева видела все увечья, которые мог нанести запретный город. В оправдание города, правда, стоит сказать, что он никого увечить не пытался. Это скорее были неудачные попытки убийства. И она очень переживала, когда Тимофей уходил в очередную экспедицию. Но такова была их жизнь. Тимофей, конечно, мог отказаться от экспедиций, парень он рукастый, и для него нашлось бы много дел на базе, он даже как-то пытался завязать, но этот неугомонный зуд где-то внутри, который испытывали все экспедиторы, не могла заглушить даже любовь к ней.

Тимофей

Тимофей интересный мужик сорока лет... ну хорошо, сорока двух лет... ну хорошо, без двух месяцев, сорока трёх лет. Не красавчик, но не лишён харизмы, которая с лихвой компенсировала отсутствие красоты. Высокий, крепкого телосложения, впрочем, сублильные личности в экспедиторы не попадали, всегда, как будто, избыточная серьёзность, спокойный и уверенный взгляд. В общем, достаточно brutальный тип. Но, не смотря на всю эту brutальность, весёлость он тоже умел проявлять, да ещё и обладал не только заразительным смехом, но и какой то, совершенно нежной и необычайно обаятельной улыбкой, которая, в купе, с непонятно как работающим, нахальным блеском, полного уверенности взгляда, наполняла теплом и трепетом сердца женщин. Он был таким, каким надо, тогда когда это было нужно.

В общем, женщинам он был не просто симпатичен. Особенно поварихе Оленьке. Не смотря на то, что Оленьке шёл уже пятый десяток, да не просто шёл, а уже, мягко говоря, далеко зашёл, все звали её Оленькой, видимо потому, что она обладала не по возрасту детским симпатичным лицом. Она была достаточно полновата, но полновата по красиво-му и, не смотря на полноту, обладала необъяснимой лёгкостью во всем, как в движениях, так и в речи. Говорила всегда спокойно с лёгкой весёлостью. Голос у неё тонкий, но очень

мягкий и не громкий, стоит отметить, даже вполне сексуальный. Когда Тимофей на обеде подходил к ней с разносом, она всегда демонстративно накладывала ему как будто бы побольше и как будто бы повкуснее. Тимофей всем своим видом давал понять, что замечает это и награждал её улыбкой. От его улыбки дыхание её замирало, в сердце появлялся трепет, и где-то в низу под животиком разливалось тепло, от чего щёки наливались румянцем. Но Тимофей не давал ей и малейшего намёка на возможность каких-либо отношений.

Не смотря на то, что Тимофей неоднократно вступал в сексуальные отношения с обитательницами базы, серьёзных отношений ни с кем и никогда у него не было.

Чаще всего он приводил в свою каюту случайную знакомую, такую же пьяненькую как он, как на пример Катюху – худющую, тридцати, по её заявлению, летнюю, обладательницу красивых, длинных, стройных ног, маленькой, но очень красивой округлой попки, и острых, будто маленькие дьявольские рожки, холмиков груди, которые, не смотря на незначительный размер, были очень гармоничны и прекрасно вписывались в образ. В дальнейшем, из бара они уходили вместе не единожды, это было редко и всегда это было случайным решением, не запланированным заранее, просто случайно встретились, танцевали или сидели и беседовали, вдруг кто-то предлагал, второй соглашался, и шли то, к нему, то к ней, трахались и расходились.

Или не случайную, а целенаправленно охотящуюся за

ним, как когда-то, Светку. Светка тогда выпила предусмотрительно не много, так для храбрости. Она пришла с целью заполучения Тимофея и быстро добилась успеха. Она, была очень страстная, возможно даже излишне, и очень эмоциональная, не на свой возраст, по детски. Движения резкие и нетерпеливые, речь быстрая, звонкая, с театральными, явно ненужно, подчёркнутыми, ударениями. Однако красота её тела нивелировала какую-то её нелепость. Светка – молоденькая, двадцати трёх летняя, рыжеволосая бестия, невысокого роста, с потрясающей фигуркой, не менее потрясающей хорошо развитой, красивой формы, попкой, а так же приличного размера, но достаточно высокой, почти идеальной формы, грудью с прекрасными розовыми сосками. Со Светкой, несмотря на всю серьёзность её намерений, у него была только одна ночь. Утром, его слишком холодное объяснение того, что эта прекрасная ночь не являлась началом серьёзных отношений, слишком сильно обожгло её нежное девичье сердце. Обожгло настолько, что она, лишённая надежды, и изводимая горьким чувством неоправданной обиды, испытывала такую злость, что все её возвышенные чувства, да пожалуй, что и за две недели, сгорели дотла. Да и злость сгорела с ними. Горевала она не долго, девка-то молодая, да ещё и очень красивая, быстро нашёлся, новый, да ещё и гораздо лучший, объект для охоты.

В общем, за двадцать лет жизни на базе, он много кого встречал и много с кем встречался. Спасало то, что в отли-

чие от Тимофея и ещё нескольких, в основном из числа экспедиторов, но и не только, жителей, к которым относилась и Оленька, не задерживались на базе надолго, особенно женщины. Год от силы два. Поэтому спустя какое-то время на базе не оставалось никого с кем у него были, какие то связи.

Но Тимофей, это не герой любовник. Тимофей это, прежде всего экспедитор. Один из самых опытных, наверное, даже самый. Мало кто может похвастаться тем, что прожил на базе больше двадцати лет. Он, конечно, иногда брал отпуск и уезжал в город. В город, в котором родился и вырос. Уезжал, чтобы отдохнуть, большей частью от соседей, пробежаться по барам и клубам, или поправить здоровье, все же медицинскому отсеку базы и не снились возможности городского медицинского центра.

Тимофей называл этот город, живым городом, в то время как запретный, просто городом. В отличие от него все остальные называли живой город, просто городом, а запретный, так и называли – запретный. Живой город к слову назывался Островский по фамилии первого мэра, как памятник выбранного когда-то пути, но это название произносили редко, в основном в деловой речи. В живом городе у Тимофея была своя квартира. Но в связи с крайне редким появлением выглядела она заброшенной, пыльной, не уютной, и Тимофей, не желая заниматься уборкой, зачастую, пользовался только кроватью и душем. Ночевал и уходил.

Как бы не было хорошо в живом городе, Тимофея всегда

тянуло на базу, а ещё больше в запретный город. В запретном городе он был собой. Нет, он и на базе никогда не играл никаких ролей и не притворялся, чтобы создать какое-нибудь впечатление для окружающих, но здесь ощущалась необъяснимая свобода.

В отличие от обилия, содержащих совершенно различные мотивы интереса, внимательных глаз обитателей базы, пустые и безразличные глазницы коренных обитателей запретного города, без особого интереса, следившими, за пока ещё живыми пришельцами, из их далёкого будущего, абсолютно не тяготили.

Тимофей пользуется огромным авторитетом среди жителей базы. Его колоссальный опыт спас ни одну жизнь. Чаще всего именно к нему приходили новички за советом. Никакого особого обучения для новичков организовано не было. Никто собственно и не знал чему учить. Любая не правильно доведённая информация могла стоить кому-то жизни. Небольшой инструктаж по основным правилам поведения, особенностям известных опасностей, и тому, как пользоваться защитным костюмом и инструментами. В городе каждый экспедитор отвечает только за себя. Только от твоего умения анализировать, подмечать, да и даже от силы природного чутья, зависит, вернёшься ты, или получишь новую прописку.

Когда приехала Ева, Тимофей, безусловно, не мог этого не заметить. Но его интерес был на уровне интереса стари-

ка к молодой девчонке. У стариков появляется рефлекс не проявлять какого-то более или менее значимого интереса, к объектам, явно бесперспективным. Чего нервы мотать. С такими молодыми красотками он позволял себе встречаться минимум десять, а то и пятнадцать лет назад. Они особо не пересекались. Она устроилась работать в медицинский отсек. Не смотря на то, что Тимофей, хоть и редко, но обращался туда, ни разу не попал в её смену. Он, правда и не пытался преднамеренно попасть в её смену. Тимофей не обращал практически никакого внимания на Еву, но его восхищённый взгляд иногда останавливался на ней. А ещё, глядя на неё, он иногда испытывал лёгкое, но неприятное чувство неоправданной ревности, которую мужчины иногда испытывают по отношению к знакомым, но не их, или даже, к незнакомым, но всегда очень привлекательным, девушкам, когда наблюдают как они общаются с другим мужчиной, да ещё и моложе чем он, да ещё и смеются там над чем-то, и ей так интересно, то, что он ей там нащёптывает.

Хищный город

Этот город был непоколебимо мрачен. Практически все здания в городе были невероятно высокими, в связи с чем, из-за создаваемой ими тени, на уровне земли всегда царил сумрак. Прямой солнечный свет никогда не попадал сюда, и в купе с бесконечным, желтовато-зеленоватым туманом ядовитого воздуха, картина вырисовывалась гнетущая.

Тимофей чаще всего отправлялся в экспедиции один. Он не любил коллективные походы, но все же иногда присоединялся к группам. Поход в группе не имел большого смысла. Если ты зазевался, то наверняка погибнешь и скорее всего, быстро, и никто не сможет тебе ничем помочь. Бывали, конечно, случаи получения травм, при которых выживали, в таких случаях плечо товарища, безусловно, выручало. Но в целом перспектива стать свидетелем смерти рядом находящегося человека не прельщала никого.

Вот однажды Женька позвал Тимофея и Боцмана на обследование одного здания. Боцман, конечно же, никаким боцманом не является, и на самом деле зовут его, Александр Петрович, но один, из никогда не умолкающих, деятелей в бункере, однажды сказал, что он очень похож по описанию на какого-то боцмана из какой-то книги, так и прицепилось прозвище. Женька несколько дней не мог решить, как пройти лазерную решётку, закрывающую проход в одно из поме-

щений этого здания, чтобы попасть внутрь, а кроме неё проход ничто не закрывало. Вот он и позвал на подмогу, мол, может как-нибудь её отключить получится. Но, к сожалению, никаких действенных решений в голову никому не приходило.

Тут Женьку самого осенило, и он выломал металлическую дверь одного из соседних помещений. Притащил эту дверь и сунул её край в яркие красные лучи. Металл зашипел, а Женька начал считать. Почти три секунды. Женька предположил, что если укрываться дверью как щитом, то она выдержит в течение времени необходимого чтобы перескочить смертельные лучи. Боцман пожал плечами, и Женька, слегка поколебавшись, рванул. Дверь выдержала натиск лазерных лучей, но вдруг с шипением сверху вниз рухнула другая невероятно массивная металлическая дверь. Видимо перекрытие нескольких лучей, в пределах установленного времени, запускало второй эшелон защиты. Женьку разmozжило о твёрдый пол с ужасно отвратительным хлюпающим звуком, сопровождающимся, не менее отвратительным звуком, хруста костей. Удар был настолько сильным, что сдавленная в теле кровь и другие жидкости Женьки брызнули во все стороны, создав, после оседания, плотное багровое пятно вокруг того, что осталось от тела. Боцман, протирая от крови маску защитного шлема, вдруг произнёс, низким хриплым голосом – Ещё одного сожрал. Этот хищный ублюдок всегда голоден.

Тимофей предложил считать, что в этом здании нет ничего интересного, и что не стоит продолжать дело начатое Женькой. Эх, Женёк, Женёк, парень то молодой, сколько ему, поди и тридцати нет. Что же они там так охраняли? Пусть выясняют следующие поколения экспедиторов. Женька их предупредит о том, что здесь ухо нужно держать востро. Да и то, может не помочь.

Этот город очень опасен, он охотится постоянно и пожирает любого, кто проявляет легкомыслие. Особенно часто страдают новички. Новичкам всегда выдают оранжевые комбинезоны, и не потому, что как им объясняется, за ними легче следит старикам, а потому что они в случае гибели очень информативно обозначают опасное место. Вообще, изначально было принято правило не выносить из города тела погибших, в независимости от причин их гибели. Все кто погибает в городе, становятся его «жителями».

Здесь таятся десятки, а возможно и сотни опасностей, о которых мы даже пока не подозреваем. Одним из самых опасных является то, что невозможно увидеть. Иногда экспедиторы попадали под неизвестные излучения. Границы зон, попадающих под излучения, определяем теперь по трупам, в них остававшимся. Приблизительно конечно. Насекомые тоже здесь погибают, чем значительно увеличивают визуализацию границ этих зон. Если бы сразу догадались, что куча мёртвых насекомых это знак опасности, многих смертей можно было бы избежать. Какая природа у этих излучений,

все ли они одинаковые, или нет, и какой у них источник, мы пока не знаем.

Ещё очень опасны «струны». Струнами они конечно не являются, это что-то невидимое, какая-то условная линия в пространстве. Человек идёт ничего не подозревая и тут бац, и на две части развалился. Никаких ожогов, просто идеально ровный разрез. Кто-то не сразу умирал, а лежал, хрипел, брызгал пульсирующей кровью, если была возможность, снимал шлем и ждал такие долгие десять секунд. Все погибшие становятся предупреждающими плакатами, типа «здесь струна, нехрен делать». «Струны» располагаются под разными углами и по тому, как лежит труп и проходит разрез, определяют направление этих «струн». Какова природа этого явления, и откуда они начинаются, и где заканчиваются, никто не знает.

Так же опасны разливы, неизвестного происхождения жидкостей, имеющих вязкую структуру. Некоторые жидкости имеют зелёный, некоторые голубой цвет и те, и другие с лёгким флуоресцирующим эффектом. Жидкости, экспедиторы между собой, да иногда и не между собой, называют «соплями», должен отметить не без основания. «Сопли», а точнее как гласила самая правдоподобная теория – охлаждающая жидкость, вытекают из труб некоторых повреждённых объектов. Те, кто имел неосторожность иметь с ней контакт, или погибали, или становились благодарными пользователями бионических протезов. Многие помнят случай, когда Се-

рёга «Шустрый» в одиночку на одной ноге прискакал в карантин. Парень оступился, полетел вперёд и, пытаясь удержаться на ногах, сделал несколько больших шагов, последним наступив в лужу «соплей». Хорошо, что дело было не далеко от туннеля. Когда он доскакал до карантина, расположенного сразу за туннелем, где всегда производилась процедура нейтрализации и обеззараживания, с ноги сваливались комья полу растворившейся плоти и сгустки крови, висели куски жил, торчали оголённые кости. Как же он кричал, а ведь его ещё нужно было обработать группе нейтрализации. Когда его начали обрабатывать растворами, он не выдержал боль и потерял сознание. Теперь ходит с босой, искусственной, левой ногой и даже пальцами перебирает, раздражающе стуча ими по полу, когда увлечённо рассказывает о пережитом.

Впрочем здесь убивает не только не понятное, но и вполне бытовое. Почти всё оборудование, работающее до великой гибели мира, работает и сейчас, но многое даёт сбой. Лифтами перестали пользоваться после первых летальных случаев, Впрочем, практически все случаи сбоя в работе лифтов, были летальными. А ещё самопроизвольно закрывающиеся гидравлические двери, обрывающиеся электрические кабели, обрушающиеся сгнившие перекрытия и ещё много, много подобных сюрпризов.

На днях Тимофей обследовал здание рядом с красной линией и наткнулся на труп. Труп лежал достаточно далеко, но

не заметить его было трудно. Ярко оранжевое пятно посреди серости пустой улицы, можно сказать, кричало о своём присутствии. Тимофей подошёл очень медленно и осторожно, так как причин превращения человека в оранжевый труп, он не знал.

Тимофей, с большим удивлением для самого себя, ведь обычно мысли, если их некому озвучить, он не озвучивает, произнёс – Костя!?! А какого это хрена ты здесь делаешь?

Костя был новичком, за его плечами было не более двадцати экспедиций. А новички никогда не заходили так далеко. На боку у трупа в районе нижней части грудной клетки зияла огромная дыра, жутко скалящаяся оголёнными неровными краями сломанных рёбер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.